

Ветер глубокой зимы был ледяным, пробирая до костей. Волосы развевались, касаясь лба, и даже они казались холодными.

Ключи от машины снова упали в ладонь Янь Цзэ, и он положил их в карман, затем достал телефон.

Экран загорелся, и его пальцы, казалось, случайно провели по нему, пока большой палец не остановился на номере без имени.

Взгляд Янь Цзэ стал глубже, он слегка сжал губы.

Линь Дучжи подошёл и сказал:

— Пора возвращаться, скоро рассвет.

Большой палец Янь Цзэ медленно приблизился к экрану, ещё одно движение — и звонок бы состоялся.

Но он так и не нажал.

Янь Цзэ убрал телефон, выпрямился и коротко сказал:

— Ладно.

Затем шагнул вперёд, на землю.

Четверть зимних каникул была посвящена празднованию Нового года.

Семья Сюй Хао вернулась в Шаньси, но из-за учебного графика Сюй Хао они выехали только 27-го числа по лунному календарю.

У них в Шаньси было несколько домов, но ранее они жили в городе, а дом бабушки находился ближе к окраине. Расстояние между ними составляло около часа езды, не слишком далеко.

Бабушка Сюй Хао была уже в годах, и круг её общения был небольшим, состоящим из старых друзей. Она не любила ездить в город. Теперь, когда семья разбогатела, жить в старом доме в пещере было уже неподходящим вариантом. Родители Сюй Хао решили построить для бабушки двухэтажный дом в ближайшем посёлке, а рядом возвели дом для его тёти.

Так, живя по соседству, было удобнее ухаживать за пожилой женщиной.

Когда они приземлились, водитель уже ждал у входа. Родители Сюй Хао поехали домой собирать вещи, но, боясь, что бабушка будет волноваться, решили сначала отвезти Сюй Хао к ней, а вечером сами приедут на ужин.

Сюй Хао сам открыл дверь ключом и обнаружил, что бабушка уже вовсю хлопчет на кухне.

Первым делом по приезде Сюй Хао поел тицзянь, который приготовила бабушка. Он обожал это блюдо: помидоры с перцем, немного мясного фарша — всё это смешивалось, и получалось невероятно вкусно. Сюй Хао ел с аппетитом, время от времени выдыхая и говоря бабушке:

— Бабуль, я вам правду говорю, у вас золотые руки. Если бы вы открыли ресторан, люди бы специально прилетали из столицы поесть. Не говоря о других, я бы точно вернулся.

Бабушка сидела рядом на стуле, улыбаясь, пока Сюй Хао ел. У неё выпал один передний зуб, и морщинки у глаз собрались в кучку. Она смотрела на внука с таким же интересом, как на новогодний концерт. Услышав его слова, она засмеялась и грубой рукой потёрла Сюй Хао ухо.

— Что ж ты, еда не заткнула тебе рот?

В детстве у Сюй Хао были маленькие мочки ушей, и бабушка всегда боялась, что это принесёт ему неудачу в жизни, поэтому часто их массировала. Теперь, когда она снова это делала, Сюй Хао чувствовал себя неловко.

— Бабуль, хватит, я уже взрослый.

Бабушка, из-за возраста, плохо слышала, но говорила громко. Она не совсем поняла, что он сказал, и ответила на своём родном шаньсийском диалекте:

— А? Бабушка приготовила вкусно? Ешь больше, в кастрюле ещё много. Если вкусно — ешь больше.

Сюй Хао, видя, что она не собирается останавливаться, решил не спорить и продолжил есть.

В доме бабушки всегда пахло мылом, которым он пользовался в детстве.

В детстве, перед школой, Сюй Хао проводил больше половины времени у бабушки. Тогда они жили в деревне, и семья была зажиточной. Дома держали свиней и кур, которых сами же и забивали. После игр с другими детьми Сюй Хао мыл руки этим мылом, и именно этот запах всегда предвещал обед.

Поэтому до сих пор, почувствовав этот запах, Сюй Хао сразу хотел есть. Это был условный рефлекс.

Съев одну порцию, он пошёл на кухню за добавкой, а когда вернулся, бабушка уже была в комнате. Она жила одна, и мебели в доме было немного. Проходя мимо, Сюй Хао увидел, что она сидит на кровати, на коленях у неё лежал квадратный тканевый мешочек, обмотанный нитками. Она надела очки и аккуратно развязывала узелки. Мешочек был туго набит, и непонятно, что внутри.

Сюй Хао сел на стул, поправил соус и, поставив ногу на высокую перекладину стола, продолжил есть лапшу. Такая поза была допустима только дома, на людях это выглядело бы слишком неприлично.

Пока он наслаждался едой, бабушка вернулась, села рядом и вдруг схватила его правую руку, в которой он держал палочки. В своей руке она сжимала что-то, явно собираясь дать ему.

Сюй Хао, с набитым ртом, был немного озадачен.

— Бабуль? Что случилось?

Не успев закончить вопрос, он почувствовал, что в его руке оказалась пачка бумаги.

Точнее, денег, сложенных пополам, ярко-красных.

Сюй Хао замер, медленно пережёвывая еду, но не убрал руку.

Бабушка продолжала прижимать его руку с деньгами к животу, и её обычно громкий голос

вдруг стал тише, как будто она боялась, что кто-то подслушает.

— Хао-хао, береги, не говори родителям. Это бабушкины деньги на карманные расходы, никому не говори.

Держа деньги в руке, Сюй Хао почувствовал странное чувство.

Он проглотил еду и, делая вид, что это неважно, попытался вернуть деньги.

— Бабуль, ну что ты, зачем это мне? Ты же знаешь, как у нас сейчас с деньгами. У нас всего хватает, зачем ты мне это даёшь? Забери обратно.

Он попытался оттолкнуть её руку, но бабушка была сильной, и ему не удалось.

Бабушка, с силой всовывая деньги ему в руку, выглядела немного недовольной.

— Тьфу, твой отец много зарабатывает, но и тратит немало! В детстве ты всегда у меня деньги просил. Я уже старая, мне ничего не нужно, продукты мне тётя приносит, мне не на что тратить.

Сюй Хао не смог переубедить её и, держа в руке две тысячи юаней, положил их в карман.

Рука бабушки была тёмной, как кора дерева. Она выглядела довольной, потрогала свои колени, затем хлопнула Сюй Хао по ноге, как будто проверяя, насколько он вырос.

Морщины на её лице разгладились, и она, словно вспомнив что-то, улыбнулась, обнажив несколько стёртых жёлтых зубов.

— Хао-хао, бабушка уже старая. Сколько ещё лет я смогу тебя видеть?

Она произнесла это без грусти, как будто просто звала его к столу.

Но рука Сюй Хао, лежащая на краю чашки, непроизвольно сжалась.

Он сдержал дыхание, чувствуя, как слёзы подступают к глазам.

В прошлой жизни бабушка была здорова.

По крайней мере, до его возвращения в Китай она жила в этом доме в Шаньси.

Но он ушёл раньше неё.

Чего Сюй Хао боялся больше всего?

Конечно, он боялся смерти, до ужаса.

Но ещё больше он боялся представить выражение лиц родных, когда они увидят его труп.

Он провёл пальцем по глазам, сдерживая слёзы, и подумал: «Нельзя плакать, это слишком стыдно».

К счастью, он вернулся к жизни.

Сюй Хао никогда не был так благодарен судьбе за второй шанс.

Именно поэтому он теперь старался сделать всё, что в его силах, как можно лучше.

Потому что он хотел добиться успеха.

Он хотел стать сильным, независимым, значимым.

Он не мог позволить себе быть сломленным или остаться ни с чем.

Когда его семья снова столкнется с тем, что произошло в прошлой жизни, он должен быть готов, хотя бы финансово.

И даже дать отпор.

Противник, конечно, был огромен и казался непоколебимым.

Но это было именно то, к чему Сюй Хао теперь стремился, не так ли?

Дни празднования Нового года пролетели быстро.

Каждый день начинался с еды, а затем они ходили в гости, хотя чаще гости приходили к ним.

Иногда Сюй Хао откликался на просьбу тёти помочь с уроками его младшему двоюродному брату, который только пошёл в среднюю школу.

Но кому хочется учиться в праздники? Его брат явно не был фанатом учёбы, и каждый раз, когда речь заходила о занятиях, он хмурился и искал поводы увильнуть. Сюй Хао не стал его заставлять.

В итоге, после десяти минут занятий, они уже выбежали на улицу запускать петарды.

<http://bllate.org/book/16583/1515063>